

Как только Гарри прибыл на Тисовую улицу, он улетел в свою комнату и начал извлекать из сундука свою драгоценную комбинацию книги и записной книжки, прежде чем даже подумал о том, чтобы распаковать что-нибудь еще.

Гарри тяжело лег в своей неудобной и хрупкой кровати и снова проклял Дамблдора за то, что он заставил его остаться где-нибудь против его воли.

Гарри на каком-то уровне осознал, что ему нужен этот беззаботный разговор с Роном и Гермионой в поезде. С тех пор, как он обнаружил портрет Салазара, его образ мышления постоянно менялся, и было бы глупо думать, что это не повлияет на его дружбу. Рон был более отстраненным, и иногда новообретенная приверженность Гарри к учебе вызывала у рыжего раздражение, к большому разочарованию Гарри.

Гермиона была гораздо более любопытным случаем. Она вела себя ошибочно, но Гарри понятия не имел, что делать с девушкой, особенно потому, что в ее новой персоне были стороны, которые, как он находил, ему нравились. С другой стороны, некоторые из новых событий, связанных с ее новым отношением, были немного тревожными. Отстранение от Рона сделало Гермиону все более зависимой от Гарри, и хотя маглорожденная ведьма была слишком упряма, чтобы по-настоящему признать это, некоторые ее черты характера имели оттенок отчаяния или страха. Может быть, этого разговора в гостиной было недостаточно, чтобы ее успокоить? Гарри разберется с этим в свое время.

Гарри никогда бы не подумал, что отвлекается на этическую философию, но идея заняться своим летним домашним заданием вскоре после прибытия на Тисовую улицу была непривлекательной. Открыв блокнот и активировав перо, Гарри быстро проверил, нет ли парселтанга, и на всякий случай подождал несколько минут, чтобы проверить, не прибыли ли какие-нибудь из Министерства совы с зловещими письмами. Понимая след или нет, после всей этой неразберихи с Сириусом Гарри с глубоким недоверием относился к Фаджу и Министерству магии в целом. В конце концов, Добби каким-то образом доставил ему неприятности на втором курсе.

Текущая глава книги говорила о том, что называется удовлетворением желаний. Гарри не понимал, в чем разница между этим и гедонизмом, о котором он читал накануне, но решил продолжить и посмотреть, не случится ли какое-нибудь прозрение.

" Теория удовлетворения желаний объясняет, почему существует множество моделей хорошей жизни, а не одна. То, что делает мою жизнь хорошей, может сильно отличаться от того, что помогает вам, потому что мы с вами можем не хотеть одного и того же. Наши самые сокровенные желания определяют, что считается улучшениями или неудачами в жизни. При таком образе мышления ничто - не здоровье, любовь, знания или добродетель - является важным ингредиентом в улучшении жизни каждого человека. От того, улучшилась ли наша жизнь, полностью зависит от того, исполнились ли наши желания. Кажется возможным вести хорошую жизнь, которая состоит из беззаветной преданности религиозным целям, философии, музыке, путешествиям, социальной справедливости, конвенциям Star Trek или любимой спортивной команде. Хорошая жизнь, сосредоточенная на ни один из них или их комбинация, тоже кажется возможным. "

Теория казалась ... совершенно разумной. Слишком просто . Вспомнив одну из самых первых вещей, которые в книге говорилось о сложности этики, Гарри подозрительно хмурился, глядя на эту теорию. Просто полагаться на то, что каждый считает лучшим для себя, может быть хорошей моделью для человека, живущего своей собственной жизнью, но это не способ построить общество. Гарри вспомнил, как смутно разговаривал с Салазаром о чем-то, называемом невидимой рукой рынка, и о том, как она вела общество к самосовершенствованию, руководствуясь личными интересами людей.

Гарри тихонько скулил про экономистов и их неспособность решить что-либо. Полезное предположение или нет, но невидимая рука рынка, казалось, противоречила тому, что Салазар говорил ему о Кузнец, и институты намекали, что общество сформировано этими формальными или неформальными институтами, которые со временем могут измениться, и хотя это изменение было направлено все еще вне его, Гарри было нетрудно экстраполировать, что, если, по словам Кузнец, некоторые люди могли сдерживать прогресс, чтобы защитить свои интересы, блокируя новые технологии, они могли бы сделать то же самое, чтобы повлиять на институциональные изменения в свою пользу.

Кроме того, фраза « самые глубокие желания» заставила Гарри задуматься о Зеркале Эрисед, а воспоминания об артефакте заставили его теперь чувствовать себя очень неудобно. После понимания того, что Зеркало покажет ему самые отчаянные желания, несмотря на их невозможность, это показалось не более чем ужасно коварной пыткой. Общество людей, руководимых всем своим сердцем и ничем другим, не будет постоянно бороться за пределы возможностей. Мы всегда желаем того, чего никогда не сможем получить.

« У вас когда-нибудь был такой опыт? Некоторые хорошо одетые люди стучатся к вам в дверь и в конечном итоге говорят вам, что вы зря тратите свою жизнь. Вы слишком далеко отклонились от их модели идеальной жизни. Легко почувствовать, что они они самонадеянны. У них есть универсальная структура хорошей жизни, и вы не получаете никакого вклада в формирование планов. Теоретики желаний отвергают все такие взгляды. Если теория желаний верна, то каждый из нас последнее слово в том, что делает нашу жизнь успешной, потому что наши собственные желания определяют, насколько хорошо мы живем. Кроме того, никто не может диктовать, какие основные желания у нас должны быть. Это личное дело. Универсального стандарта не существует. для соответствующих желаний: каждому свое ".

Опять же, Гарри не мог спорить на индивидуальном уровне. Для каждого его собственное звучало изумительно, лично говоря, но это тоже неправда, не так ли? Мерлин знает, что на некоторых людей нельзя положиться в понимании их внутренних желаний, и теория не учитывала людей, чьи сокровенные сущности испытывали злобную жажду. Даже не обращаясь к теории «некоторые люди просто гнилые» , Гарри полагал, что желания одних людей будут мешать другим. Дамблдор пришел в голову, в частности, потому, что его образ хорошо одетого, который стучится от двери к двери и информирует всех, кто слышит об их несоответствиях, звучал как старик. Если бы контроль был его желанием, то это случилось бы со всеми остальными?

Несогласие книги с этой теорией на этот раз не последовало за размышлениями Гарри, но все же застряло на индивидуальном уровне и было несколько более формальным и организованным, чем Гарри ожидал от этой до сих пор очень удобной для читателя книги. Первый пункт (« Получение того, что вы хотите, может не быть необходимым для

продвижения вашего блага ») не интересовал Гарри и казался довольно очевидным. Люди очень редко знали о себе и никогда не знали всего об окружающем мире, чтобы быть по-настоящему объективными в отношении себя и своих желаний. Второй момент был немного интереснее.

« Получение того, что вы хотите, может быть недостаточно для продвижения вашего блага », вытащил гораздо больше дыр в теории удовлетворения желаний, чем ее предшественник, а также ответил Гарри на разницу между этой теорией и гедонизмом, даже если ответ смутил его больше, чем что-нибудь еще: « теория желаний не приписывает удовольствию никакой внутренней ценности. Если теоретики желаний правы, тогда ваша жизнь идет лучше, пока выполняется больше ваших желаний - независимо от того, сколько удовольствия это приносит. Более приятная жизнь не обязательно лучше для тех, кто этим живет ".

Тем не менее, Гарри продолжал свои записи, радостно отмечая, что его наблюдения за Альбусом Дамблдором увеличиваются, и мрачно отмечая, что в отношении Тома Риддла еще ничего не было сделано. Иногда он сомневался в выводах его и Салазара относительно этого человека, но Гарри заставил себя сосредоточиться на книге и попытаться разгадать Риддла позже. Дамблдор был более важным вопросом.

Однако его внимание рассеялось, когда он прочитал что-то, от чего у него перехватило дыхание и возникло ощущение пустоты в груди.

« Согласно теории желаний, в любой из ее версий, хорошая жизнь - это, по сути, вопрос исполнения ваших желаний. Однако наши желания часто формируются тем, как мы выросли. Ожидания, которым нас научили имеют особенно важное влияние. И это создает проблему. Некоторые родители воспитывали своих детей, считая себя недостойными любви или неспособными к реальным достижениям. Некоторые общества продолжают относиться к женщинам среди них как к гражданам второго сорта (если граждане вообще). Женщинам в таких обществах с самого раннего возраста говорят, что любые политические или профессиональные надежды неестественны и недоступны для них.

"Такие сообщения легко принять близко к сердцу. Если вам с пеленок говорят, что вашей самой большой амбицией должно быть служение своему господину, то у вас вполне может не остаться более сильного желания, чем это. Если исполнение желаний является мерой хорошей жизни, тогда такая жизнь действительно может быть очень хорошей. Это не кажется правильным. Например, заманчиво думать, что рабыня не может жить очень хорошей жизнью, независимо от того, исполняются ли ее желания. И это потому, что она несвободна. Но сторонники теории желаний отвергают идею о том, что в свободе есть что-то действительно ценное. Ничто не важно само по себе - ни интеллектуальные, ни художественные достижения, ни свобода, ни удовольствие, - если этого не желает человек. Если вам вбили в голову, что глупо искать свободы, или что образование не нужно «твоему виду», тогда разумным ответом вполне может быть отказ от надежды на подобные вещи. Лучше иметь цели, которых можно достичь, чем настраивать себя на постоянное разочарование."

Чем больше Гарри читал эти два абзаца, тем слабее становилось его дыхание, пока он не заметил, что сильно дрожит. Попытка контролировать свое дыхание вызвала у него колотящуюся грудь только из-за нехватки кислорода, чтобы поддерживать его бешеное

состояние, и, прежде чем он осознал это, он полностью задышал, и слова стали нечеткими.

Насколько близко он подошел к тому, чтобы признать свою неполноценность как урод? Если бы Хогвартс начал, скажем, с тринадцати, а не с одиннадцати, зашел бы он уже слишком глубоко, чтобы спасти? Гарри пытался убедить себя, что то, что он чувствовал по отношению к своему детству, было яростью и негодованием, но некоторое сомнение все еще оставалось в глубине его разума, заслуживает он этого чудесного дара магии или нет. Из предложения о теоретиках желаний, которые не ценят свободу по своей сути, Гарри понял, что он не один из них, а следующие фразы об образовании для вашего вида ударили слишком близко к дому. Он знал, что Хагрид спас его от быстро приближающегося переломного момента, от которого он никогда не оправится, если не появится вообще за три года до этого. Смутно Гарри задумался о сироте в раздираемом бородавками Лондоне в 40-х годах и о том, был ли он также спасен от подобного состояния безнадежности только для того, чтобы остаться без него. Мысль о том, что Волан-де-Морт испытывает надежду, звучала настолько необычно, что казалась совершенно нелепой, но каким-то образом Гарри не мог приписать такой же диагноз Риддлу.

Сравнения с человеком, убившим его родителей, превратили безумие Гарри в аморфное чувство страха, с которым он не мог полностью бороться. Он знал, что уже читал об объективистах в области благосостояния человека. в этой главе те, кто считал, что хорошей жизни можно добиться, придерживаясь универсального набора ценностей, созданных отдельно от ваших желаний и желаний (еще одна вещь, с которой он быстро связал Дамблдора, увеличивая разрыв в информации между ним и Риддлом), и его разум установил связь с теми, кто верил, что все жизни были предопределены и пойдут по пути, независимому от нашего выбора и желаний. Гарри быстро заметил, что простая мысль о том, что его жизнь будет следовать некоторому чувству судьбы, казалась слишком правдоподобной, учитывая его последние три года в Хогвартсе, и ужасающей до невероятного.

Превратит ли его борьба за свободу в Риддла? Это то, что случилось с Волан-де-Мортом? Изначально борьба за изменение мира к лучшему превратилась в жестокую, когда человек отбросил мораль из своего мышления и полностью погрузился в свои желания, не обращая внимания на других? Есть ли еще какое-то чувство здравомыслия в планах Риддла, или он потерял себя как Волан-де-Морт, чтобы никогда больше не всплыть на поверхность? Если так, не станет ли Гарри также терять себя в своих амбициях и метафорически смотреть на мир, как если бы он постоянно смотрел в Зеркало Эрисед?

С другой стороны, не будет ли принятие данной ситуации и отказ от вновь обретенного желания быть самим собой человеком предательством его собственной жизни? Этот вопрос стал гораздо более заметным и темным, поскольку книга углублялась в связь между следованием своему желанию как путем к лучшей жизни и самоубийством. Гарри никогда не был склонен к суициду, даже в самые тяжелые дни у Дурслей, но в книге было одно чрезвычайно нервирующее предложение.

« Есть много разных видов самоубийств ».

Принимал ли он руку и давал надежду, как он был так близок к тому, чтобы сделать три года назад, из страха, что он может стать тем, что он ненавидел, а не самоубийством? Не буквальный, а духовный?

Гарри не знал, но когда он, наконец, достаточно успокоился, чтобы хорошенько подумать, он мрачно заметил, что перо написало его бессвязные слова в его собственном разделе «ГАРРИ ПОТТЕР».

Книга сейчас не казалась такой уж интересной.

За неделю между этим инцидентом и разговором, который он в настоящее время ведет с Андерсонами, Гарри поделился своими планами и, таким образом, считал себя вне всяких сомнений относительно себя и Риддла, но ему еще предстояло взять книгу, чтобы прочитать следующие главы. Он всегда колебался и не раз ложился спать допоздна, просто уставившись на обложку, пытаясь собраться с мыслями, но в последнюю секунду он переставал смотреть внутрь в поисках ответов и отвлекался тем или иным эссе.

В тот момент он немного пожаловался на свое решение, ни за что иное, потому что он не мог контролировать американскую семью. Они были такими выразительными. Британия, волшебная или маггловская, имела что-то вроде жесткого подхода к жизни, одна из немногих культурных общностей между двумя мирами. То, как выражение лиц американцев менялось, становилось ярче, тускло, искривлялось и поворачивалось, заставило Гарри задаться вопросом, сможет ли он когда-нибудь жить в Соединенных Штатах, не подвергаясь остракизму за то, что он холоден или отчужден. Как ни странно, в том, что он подозревал, был эффект Феликса Фелициса, все еще протекающего по его венам, если бы не те моменты, когда он держал в руках книгу Зигмунде, он не особо возражал против подробностей своей жизни у Дурслей, хотя он продолжал задаваться вопросами о том, насколько близко он подошел к полной изоляции своей индивидуальности от самого себя. Возможно, это произошло потому, что семья сказала ему, что к концу лета уезжает в Соединенные Штаты.

В данный момент Ричард и Линдси были настолько бледны от гнева, что Гарри увидел, как их ненадолго окружила вспышка магии, прежде чем рассеяться, но даже в этом случае их тела были так напряжены, что казалось, что они вот-вот лопнут, как струна. Вспоминая потемневшее выражение лица Салазара всякий раз, когда Гарри упоминал о своем обязательстве остаться у Дурслей, Гарри был благодарен за то, что кто-то еще был возмущен. Ричард, в частности, бормотал что-то о не-магах, что заставляло Гарри немного чувствовать себя неловко, и, учитывая то, как глаза его жены дергались, когда его комментарии были слишком громкими, Гарри мог видеть, что возникнет дискуссия, которая взорвется, как только он станет вне пределов слышимости.

«Итак, позвольте мне уточнить, - сказала Джессика, мягко потирая виски кончиками пальцев, - Альбус Дамблдор снова вынудил вас остаться с родственниками на лето, несмотря на ваши протесты против их жестокого обращения, и, по сути, угрожал вам, сказав, что он заставил бы людей присматривать за домом, чтобы вы не могли просто сбежать. Что это? »

«Ну, я не знаю, действительно ли это была угроза ...»

«Пожалуйста, - снисходительно усмехнулась Линдси, - конечно, это была угроза».

Гарри мягко поморщился, но не мог этого отрицать.

«Дорогая, ты должен заниматься финансами компании дяди ребенка, верно?»

«Что ж, не совсем финансовые показатели компании, - скривилась женщина, прежде чем продолжить сдержанным тоном, - но у них есть непогашенные ссуды, которые они пытаются пересмотреть, и с учетом того, что ставка LIBOR в последнее время значительно выросла, все компании в этот список обеспокоены тем, что это отразится на их процентных ставках ".

«Хорошо», - сказал ее муж с таким отсутствующим выражением лица, что, похоже, он понял эту фразу даже меньше, чем Гарри, «ты не можешь причинить им вред?»

«Я не собираюсь фальсифицировать финансовый отчет, Ричард, - сказала Джессика, горячо глядя на мужа, - это может стоить мне работы».

«Вам не нужно ничего фальсифицировать, - защищаясь, - сказал Линдсей, - просто, я не знаю, заставить их принять отчет как плохой? Вы можете написать правду, но все равно заставить их заплатить».

Реакция родителей девочки не могла бы быть более разной, если бы они попытались. Отец смотрел на дочь с удивлением от ее изобретательности, а мать была в полном ужасе.

«Магия не может быть вашим решением всего, Линдси Андерсон!» женщина упрекнула, и прежде чем ее муж смог вмешаться, она добавила, обратив на него свое внимание: «Или вы забыли, когда ваш отец впервые использовал заклинание Obliviate, был с моим боссом?»

Что бы там ни случилось, и дочь, и отец вздрогнули и отшатнулись почти одновременно, первому было гораздо интереснее. Мать без магов просто вздохнула, увидев их реакцию, и задумчиво посмотрела на свои руки.

Меня немного волнует моя работа, и я забываю, что большинство людей не поймут меня, если я начну говорить о финансовых моделях. В основном, не садясь и не просматривая файл, я не могу сказать вам, могу ли я вам помочь, но я чертовски уверен, что собираюсь попробовать ».

«Спасибо, мэм, но вы не обязаны делать это для меня», - сказал Гарри, тронувшись тем, что женщина была готова помочь ему, но также признав, что у нее не было той гибкости, которая необходима, чтобы причинить вред Вернону. не рискуя своей работой.

«Я не делаю этого для тебя, Гарри», - твердо сказала женщина.

"Что ты имеешь в виду?" - смущенно сказал Гарри. С тех пор, как он столкнулся с этой семейной неразберихой, были его настройки по умолчанию. Мало того, что культурные различия были несколько очевидны, но и было трудно различить, что такое настоящая

доброта, а что такое Феликс Фелицис.

«Я делаю это для себя», - очень ласково улыбнулась Джессика, прежде чем мягко взволновать ее, - «и, полагаю, я делаю это и для Лили. Я мать, Гарри. Даже если ты слишком молод, чтобы понять, нет ничего, что я бы сделал для Линдси, даже если она немного негодяйка, - мать посмотрела на дочь с такой нежностью, что сердце Гарри заболело на секунду, прежде чем снова взять себя в руки, - жертва Лили для тебя представляет собой много хороших вещей, на которые мы все еще можем надеяться в этом мире даже в самые худшие дни, и я думаю, что было бы неуважительно к ее памяти, если бы я не сражался за нее здесь ».

«К тому же, - добавил Ричард мягким тоном, который до сих пор скрывался за его дерзостью, - учитывая то, что вы рассказали нам о поведении Петунии, я сомневаюсь, что ваша мать хотела бы, чтобы вы остались здесь, в Суррее. Дело в том, что ребенок, у магов первого поколения иногда возникают проблемы со своей семьей без магов, особенно со своими братьями и сестрами ».

«Ричард», - предупредительно сказала его жена.

"Что?" мужчина пожал плечами, но на этот раз с грустной улыбкой на лице: «Я знаю свой рекорд с любым не-мажером, кроме вас, - это не очень хорошо, но это чистая правда. Это может создать большую напряженность в семье. Когда только один из братьев и сестер обладает магическими способностями, а другой - нет. Я не могу простить поведение Вернона, кроме фанатизма без магов того, чего они не понимают, но я думаю, что твоя тетя всегда ревновала к твоей матери. довольно часто встречается между братьями и сестрами, но когда это то, что вы буквально не можете контролировать, например, обладать магией или нет, это может стать очень плохим. "

Гарри обдумывал это молча, а американская семья выжидающе смотрела на него. Гарри хотел безоговорочно ненавидеть своих родственников, изобразить их в мультяшно-зловещем свете без возможности спасения. Для него это был самый простой способ рационализировать свои ужасные переживания. С Верноном это было проще. Он был намного хуже, чем когда-либо была Петуния. Дадли был большим избалованным мерзавцем, но он был тем, кого вырастили его родители. Он не мог легко простить своего кузена, но был разумный аргумент.

Однако его тетя была странной. Ей не нравилось говорить о его матери, и хотя ее отвращение к магии было очевидным, это был не парализующий страх, который испытывал Вернон, это было другое. Может быть, это просто искаженная форма тоски? Чтобы быть особенным, быть похожим на свою младшую сестру? Гарри раздраженно нахмурился. Его разум не смог прорваться через его гнев так скоро после того, как свалил все оскорбления, через которые он перенес, на семью Андерсонов. Это было слишком похоже на прощение, которое он не был готов дать. Может, он подумает об этом позже, когда успокоится.

Гарри пожал плечами, и семья уважительно кивнула. Воцарилось короткое сострадательное молчание, нарушенное только тем, что Гарри лениво помешивал кофе серебряной ложкой. Это было классно.

«Ты сказал, что не думаешь, что моя мама захочет, чтобы я остался здесь, - сказал Гарри через некоторое время, - как ты думаешь, я мог бы использовать это, чтобы покинуть Тисовую улицу».

«Может быть, - мягко кивнул Ричард, - вы упомянули, что они оба ушли в подполье посреди Кровавой войны, потому что ожидали, что Сами-Знаете-Кто их охотится. Я сомневаюсь, что они просто скроются, не составив завещания на всякий случай. Они умерли. Вы знаете, сделали ли они хоть один? "

«Нет, но у меня есть подозрение», - печально покачал головой Гарри, - «Гринготтс упомянул, что некоторые документы, которые мои родители подписали, относящиеся ко мне, были запечатаны и не были видны до моего совершеннолетия. Они даже не могут сказать мне. какие документы ".

Семья Андерсона переглянулась, все подумали, что это очень похоже на то, что Дамблдор каким-то образом замешан. У Гарри было такое же подозрение.

Гарри посмотрел на часы на стене. Он был у Андерсонов почти четыре часа. У него оставалось только восемь часов приготовления зелья, но он понятия не имел, что с ними делать. Весь разговор о Дурслей лишил его энтузиазма в течение дня. По крайней мере, промо-билет у него все еще был в кармане. Может, если бы он сейчас пошел на Тисовую улицу, Вернона переехала бы машина или что-то в этом роде. Зигмунде прекрасно объяснил, как приготовить и идентифицировать свое главное зелье, но попытка понять эффекты чуть не вызвала у него мигрень.

Гарри внезапно встал, как будто в него только что ударила молния. « Может быть, если я сейчас поеду в Гринготтс, зелье вызовет какую-то удачу, которая позволит мне увидеть волю моих родителей! Это может быть так просто, правда? Когда на его лице внезапно появилось обнадеживающее выражение, он понял, что все были напуганы и странно смотрели на него. Он застенчиво улыбнулся и нервно провел рукой по волосам.

«Извини за это. Я просто кое-что придумал».

"Заботиться, чтобы поделиться?"

Гарри колебался, но ненадолго. Эффект от Liquid Luck или нет, но он решил больше рассказать этой случайной американской семье о своем ужасном детстве, которое он когда-либо разделял с кем-либо еще. Здесь не имело смысла вдруг осуждать себя.

«Я ... ммм, я мог выпить флакон Феликса Фелициса в течение двенадцати часов, как четыре часа назад», - сказал он, чувствуя гордое смущение из-за удивленного выражения лица Ричарда, «и я подумал, что, может быть, если я сейчас поеду в Гринготтс ... "

Гарри замолчал, и Линдси выглядела взволнованной за него, но торжественное выражение не

сходило с лица Ричарда и резко остановило его мечты о достижении свободы на годы раньше запланированного.

«Мне очень жаль, Гарри», - юный волшебник понял, что мужчина не называл его «ребенок», и у него резко упало в животе, «но я не думаю, что это та проблема, которую ты сможешь решить. восемь часов. Для вскрытия документа, по крайней мере в Америке, требуются месяцы и специальная сессия МАКУСА. Я не думаю, что здесь, в Британии, все будет по-другому».

Гарри сильно сдулся, но Ричард не закончил и начал слегка ухмыляться: «Однако я действительно думаю, что для тебя было бы хорошо пойти в банк. Если бы я взял Liquid Luck, я бы остановился внутри банка и подождал, пока миллиардер бросить мне на колени огромный мешок с деньгами или что-то в этом роде».

Все немного рассмеялись, даже если смех Гарри был немного натянутым. Тем не менее, отправиться в Гринготтс было неплохо. Он мог бы осмотреть охрану вокруг поместья возле Ноктюрн-аллеи и, возможно, сделать одно или два удачных вложения.

«Итак, Гарри, - поддразнила Линдси, внезапно злобно улыбаясь, - ты хочешь сказать, что все это время ты был с нами под воздействием волшебного зелья жидкой удачи?»

"Эээ ... да? Извини?" - неловко сказал Гарри, не зная, как они отреагируют на эту новость.

"Прости?" - спросила девушка, прежде чем заносчиво взъерошить волосы: «Это значит, что мы такие классные, что одобрены Вселенной».

Все рассмеялись более искренне и немного вежливо поговорили, прежде чем Гарри попрощался и решил написать им летом, используя Хедвиг. Показав им, как вызвать Рыцарский Автобус, Гарри молча отправился к Дырявому Котлу. Ему, вероятно, следовало отправиться на Тисовую улицу, чтобы убедиться, что Дурслей действительно отправился в поездку, но небольшая часть его надеялась, что волшебным образом его воля станет доступной, и поездка станет совершенно ненужной. Может, он сам отправится в путешествие, если все получится.

Прогулка до Гринготтса была спокойной. На него никто не обращал внимания, и это было к счастью. Он с некоторой забавой заметил, что авторизованная зона портключей Гринготтса, хотя и намного менее просторна, чем главный вход волшебников, была намного более украшена и изыскана, а следующие комнаты, те, которые были созданы для гоблинов, а не для волшебников, казалось, постепенно становились все больше и больше. красивый, в отличие от внушительного, но зловещего вестибюля. Они были гораздо более богато украшены и больше свидетельствовали о культуре гоблинов, чем комнаты, обычно используемые волшебниками, которые, казалось, были построены таким образом, чтобы придавать пренебрежительную, небрежную силу широких пространств и высоких колонн.

«Гоблины действительно презирают волшебников, не так ли?»

Гарри неуклонно подошел к кассиру, который рассеянно работал, подписывая и штампуя стопку крошечных банкнот. Он знал, что лучше не пытаться разговаривать с Горнуком без предварительной записи или без срочного обсуждения, поскольку взглянул, насколько высоко в иерархии на самом деле был старый гoblin. Он подозревал, что Горнюк имеет дело только с волшебниками, активно запрашивающими услуги из своих списков с ограниченным доступом.

«Гарри Поттер просит о встрече с субменеджером учетных записей Грипхук», - спокойно сказал он, не теряя взгляда, когда гoblin медленно поднял глаза от своей работы и посмотрел в лицо тревожащему его волшебнику.

«У мистера Поттера назначена встреча с субменеджером учетных записей Грипхук?»

"Нет."

"Может ли мистер Поттер представиться?"

Гарри достал ключ от своего хранилища василисков. Заметив, что к рукоятке ключа был прикреплен небольшой красный камень - знак того, что это хранилище было настроено, а не традиционное семейное или индивидуальное хранилище, гoblin более осторожно посмотрел на волшебника, прежде чем написать записку и отправить ее в полет за открытое пространство. дверь за ним, не отрывая взгляда.

«Кажется, все в порядке. Мистер Поттер будет ждать своего вызова в комнате слева от вас».

Гарри кивнул и проследовал за длинным заостренным пальцем в маленькую комнату с удобным креслом, которое не мешало входу в главный зал. Ему не пришлось долго ждать прибытия Крюкохвата, но выражение лица гоблина было гораздо менее замкнутым, чем Гарри подозревал. Гарри пришлось подавить импульс смущенно нахмуриться, жаловавшись себе, что Феликса Фелициса следует переименовать в Феликса Конфундуса или что-то в этом роде. С тех пор, как он столкнулся с Андерсоном, его действия, казалось, полностью вышли из-под его контроля.

"Griphook, добрый день".

«Добрый день, мистер Поттер, - быстро сказал гoblin, прежде чем маниакально ухмыльнуться, - я должен сказать, что впечатлен скоординированным прибытием».

"Скоординированное прибытие?" - сказал Гарри, сохранив выражение лица, просто приподняв бровь. Никогда не было хорошей идеей носить с собой эмоции в рукаве с гоблинами.

"Вы действительно не знаете?" Когда Гарри отрицательно покачал головой, гoblin нахмурился: «Я беру обратно свое заявление, мистер Поттер. Вы снова совершенно не впечатляете».

«Спасибо», - сказал Гарри с саркастической радостью, признав и отвергнув необходимость оскорблять волшебников, похороненных внутри всех гоблинов. Грипхука только что похоронили в необычайно неглубокой могиле, что, по правде говоря, его немало позабавило: «А теперь вы не могли бы объяснить, что происходит?»

Гоблин пробормотал что-то о трате галеонов и желании вернуться к размахиванию своим боевым топором под ним, но жестом указал Гарри следовать за ним. И снова они молча вошли в самые сокровенные комнаты банка, на этот раз дойдя до конференц-зала, который снова охраняли два хмурых и устрашающих гоблина-охранника. Однако на этот раз никто из них не сделал движения отдать палочку, поэтому Гарри просто вошел в комнату.

"Сириус?"

«Гарри? Что ты здесь делаешь?»

Сириус выглядел совершенно иначе, чем бледный и хрупкий беглец из Аскабана, в рваной одежде и с маниакальным нравом. Он сидел на большом столе из красного дерева лицом к лицу с двумя гоблинами, между которыми было поистине гигантское количество документов, и, учитывая, что у него был блокнот, покрытый записями (и, как Гарри заметил после того, как его потрясло немного, несколько очень грубых рисунков собак), трое работали на протяжении всей партии. Его глаза по-прежнему выглядели обеспокоенными, но безумно блестящий черный цвет Визжащей Хижины сменился ясным, но тусклым серым цветом, который сильно смягчился при виде его крестника. Волосы больше не были грязными и растрепанными, а были уложены в несколько мягких завитков и аккуратно подстрижены козлиной бородкой. Он все еще выглядел немного хрупким, но ничего такого, что делало бы его бездомным.

Одежда тоже помогла, даже если это был странный костюм в не совсем зеленую и желтую полоску, и выглядел он немного старым и поношенным. Гарри понял, что они, должно быть, были до смерти его родителя в 1981 году. Голос был также хриплым и грубым, но с кривой ухмылкой, показывающей увеличенный клык, легкомыслие, которое, должно быть, было так присутствовало с этим человеком в прошлом, можно было мельком взглянуть.

Сириус первым оправился от шока и встал, не обнимая Гарри, а положив обе руки на руки мальчика и слегка поклонившись, чтобы соответствовать их росту.

«Гарри, я очень рад тебя видеть», - Сириус сохранял свой тон мягким и даже с его раскатистым голосом и склонностью повторять слоги с той же легкостью, что и Салазар, сравнение, которое было бы забавным, если бы оно, вероятно, не оскорбляло они оба одновременно, пока его глаза не потускнели и не замерзли, «ваши тетя и дядя снова выгнали вас, как в прошлом году? Вам нужно, чтобы я пошел туда и поговорил с ними?»

' Ах. Вот что такое холодность. Снова почувствовав себя довольным тем, что еще один взрослый выглядел в ярости из-за всей ситуации с Дурслем, Гарри тонко улыбнулся и покачал головой.

«Не совсем так, Сириус. Честно говоря, я просто вышел за дверь и попал сюда».

Сириус, должно быть, знал, что Гарри рассказывал не все, потому что он понимающе ухмыльнулся: «А, а ты сделал это просто по прихоти?»

«Опять же, не совсем так, Сириус», - Гарри невольно усмехнулся. Разговор с Сириусом отличался от разговора со всеми остальными. Профессор Люпин был близок к тому, чтобы подражать ему, и это имело смысл, учитывая их близкую дружбу, но Люпин был немного серьезнее, а его озорство было гораздо более избирательным. Сириус был нецинической версией Салазара, если такое вообще было возможно, смешанным с полосой радости от того, что развлекался размером с Нору, в том, как он всегда быстро отвечал на насмешки и был очень внимателен к своему окружению. Гарри более или менее подтвердил свой диагноз этого человека как чистого гедониста, но в тот момент эта мысль казалась положительно очаровательной: «У меня может быть, а может и нет план, включающий Жидкую Удачу, поездку в Европу и сильно охраняемое место поблизости».

Сириус на секунду выглядел удивленным, но это было всего лишь мгновение, прежде чем он запрокинул голову и издал громкий лающий смех, который не мог быть более мрачным, если бы он был на самом деле Бродягой.

"Вот почему ты здесь тогда?" - спросил он в восторге. - Получить зелье?

Гарри ничего не сказал, но достал из кармана наполовину полный флакон с зельем и показал его Сириусу с растущей ухмылкой, заставив того человека еще раз взглянуть на своего крестника в новом свете.

"Где ты это взял?"

Со своей стороны, Гарри попытался сделать свое самое невинное лицо и медленно моргнул, глядя на своего крестного, который снова издал взрыв долгого лающего смеха.

«Так ты уже крадешься по Ноктюрн-аллее, маленький негодяй?» - спросил Сириус с горделивой улыбкой на лице, которая заставила Гарри ненадолго усомниться в своих способностях как хранителя, учитывая, что это была Ноктюрн-Аллея, прежде чем его разум быстро сообразил свои собственные выводы и закричал себе: «ОН ГЕДОНИСТ, И ЭТО СМЕШНО !» Ваш отец и я через год! "

"Действительно?" - нетерпеливо сказал Гарри, всегда рад слышать о своих родителях, особенно когда история рассказывалась энергично и беспорядочно, как в поведении Сириуса, а не жестко и мрачно, как это делала МакГонагалл, когда говорила о Джеймсе или Лили. Хотя бы ненадолго, энтузиазм Сириуса заставил Гарри забыть, что его семья умерла, но отношение всех остальных к воспоминаниям было постоянным и мучительным напоминанием об этом факте.

Прежде чем Сириус смог начать свой рассказ, один из гоблинов могущественно усмехнулся и пригрозил начать обличительную речь, прежде чем другой посмотрел на него иссушающим взглядом, заставившим его замолчать. Второй гoblin все же продолжал насмехаться над

Сириусом, но был заметно менее враждебен.

«Мистер Блэк, это очень трогательно», - сказал гoblin тоном, который совершенно ясно дал понять, что это было совсем не так, «но у нас действительно много дел, а время - золото».

Сириус возмущенно посмотрел на прерывающего гоблина секунду, прежде чем слегка кашлять и выпрямиться. Гарри нахмурился, не ожидая такого контроля от своего крестного, но прежде чем он успел что-то спросить, мужчина повернулся к нему.

«Верно. Гарри, что ты знаешь о Доме Блэков?»

Гарри не смог устоять, и его брови удивленно приподнялись. Хотя это не было прямо им заявлено, все в Сириусе указывало на то, что он презирал свою семью и наоборот.

«Очень мало, Сириус», - слабо сказал Гарри, - «Я знаю, что ты им не нравился, потому что ты был гриффиндорцем, я знаю, что они имеют некоторую связь с Темными волшебниками прошлого, и это более или менее».

Гарри постарался сказать им вместо вас, когда говорил с Сириусом о семье Блэков, чтобы избежать каких-либо взрывов, и, похоже, это сработало. Сириус медленно кивнул и ненадолго приоткрыл рот, прежде чем снова закрыть его и снова опуститься на уровень Гарри.

«Я не буду сейчас вдаваться в подробности, Гарри, но я думал, что меня выгнали из семьи после того, как я сбежал из дома».

"Вы сбежали?" - прервал его Гарри, заставив старика взглянуть на него более пристально. Подросток пробормотал извинения и жестом попросил Сириуса продолжить.

"Оказывается, дорогая старая мама не могла выгнать меня, мог только Арктур Блэк, который был моим дедом и главой Дома. И по причинам, которые я не могу понять, он этого не сделал. Может, ему не нужно было имя Блэк исчезнуть, поскольку мой отец Орион скончался, а мой младший брат последовал за ним в могилу, - Сириус пожал плечами, и Гарри увидел, что его глаза сильно потемнели при упоминании его неназванного младшего брата, но решил не подталкивать анимага снова, «естественно, это делает меня новым главой палаты».

«Как ты можешь быть главой Дома Блэков, когда ты все еще в розыске?» - спросил Гарри, видя, что Сириус задумался.

«Назначение мантии Главы Дома всегда выпадало на долю гоблинов в Гринготтсе из-за них», - Сириус взял небольшую зеленую коробку, украшенную гербом из трех ворон и словами «Тоужурс Пур», написанными декоративными серебряными буквами. Внутри находилось серебряно-черное кольцо с единственным изображением движущейся ворона, мягко клевавшей воображаемую цель: «Это кольцо, которое носит лорд Блэк, глава Дома Блэк. Всем

лордам это дается для обозначения их статуса. кольца сделаны гоблинами и заколдованы особым образом, в который я сейчас не буду вдаваться. Гринготтс является нейтральной территорией, и они признали, что я не участвовал в судебном разбирательстве и, следовательно, не может быть признан непригодным к их услугам в соответствии с их соглашениями с Министерством как осужденный преступник.

«Теперь, Гарри, если честно, я не хочу иметь с этим ничего общего», - сказал он, указывая на кольцо, а затем на гору документов, над которыми все еще работали оба гоблина, «Я всегда ненавидел свою семью. Однако, если я откажусь от своих прав лорда Блэка, титул достанется отродью Люциуса Малфоя, и я лучше вернусь в Азкабан, чем позволю подонкам Пожирателей Смерти иметь большее влияние в этом мире, - победно ухмыльнулся Сириус, - это несколько иронично, Черные отрицают что-либо в программе Чистокровных, но я всегда был паршивой овцой Черных ».

Гарри не знал, сколько золота было у семьи Блэков, но, учитывая, что Сириус теперь каким-то образом стал Лордом, и учитывая настоящую лавину документов, которые в настоящее время выставлены на красное дерево, он предположил, что это было немного больше, чем и без того значительная сумма в золоте. его хранилище василисков. Гарри нахмурился при мысли о том, что Малфой напыщенно называл себя лордом в школе, и сразу же поблагодарил Артура Блэка.

«Я счастлив за тебя, Сириус», - искренне сказал он, радуясь, что его крестный наконец нашел передышку, «это означает, что ты можешь жить комфортно, пока выздоравливаешь, и мы пытаемся очистить твоё имя».

«Я планирую перебраться на частный Черный остров, как только уйду отсюда», - злобно усмехнулся он, - «дом моей семьи в Лондоне может быть отвратительным, но этот остров потрясающий».

"Просто ради твоего выздоровления, верно?"

«Конечно. Пляж и лето не имеют к этому никакого отношения», - рассмеялся его крестный, прежде чем протрезветь, «следующее, Гарри, очень важно, чтобы ты просто держал его при себе. Дамблдор не может знать об этом».

«Я не совсем в хороших отношениях с директором школы, Сириус», - нахмурился Гарри. Сириус до недавнего времени проявлял к Дамблдору изрядное почтение, так что что-то случилось.

«Хорошо, что делает его легче,» объект, с которым его крестный отец принял нежелание Гарри сказать что-нибудь к директору звонили колокола какое-нибудь дерьмо пошел вниз громко в голове Гарри, но серьезность голоса человека остановили любые запросы сейчас "Видите ли, как глава Дома у меня должен быть Наследник. Если у меня не будет сына или дочери или я не назначу Наследника в моем завещании, после моей смерти семья Блэков все равно перейдет к сыну Люциуса, и если бы вся эта чепуха была бы еще более бессмысленной,

чем она есть сейчас.

«Азкабан украл почти все, что я мог отдать в течение двенадцати лет, но, выздоровев, я обнаружил, что для этого потребовалось еще кое-что», - голос Сириуса был теперь глухим и далеким, а его глаза были безумными и болезненными при воспоминании о его заточении. «У меня не может быть детей, Гарри. Я последний мужчина, рожденный Блэком, который когда-либо будет. Вся эта бумажная работа на столе представляет собой правила наследования для Дома Блэк, и Гринготтс помогает мне препарировать их, чтобы деньги уходили. где-нибудь еще, кроме Малфоя, когда я умру ».

"Где, Сириус?" - спросил Гарри, уже чувствуя, что знает ответ, и снова удивляясь тому, что вообще вошло в дело Феликса Фелициса.

«Я хочу, чтобы ты был моим наследником, Гарри».

<http://tl.rulate.ru/book/62719/1770968>